

КРАТКИЕ ПОВЕСТИ
Лев Консон

18+

Лев Консон

Краткие повести

«ИП Гусев»

1983

УДК 82-31
ББК 84

Консон Л. Ф.

Краткие повести / Л. Ф. Консон — «ИП Гусев», 1983

ISBN 978-5-903788-63-7

УДК 82-31
ББК 84

ISBN 978-5-903788-63-7

© Консон Л. Ф., 1983
© ИП Гусев, 1983

Содержание

I	6
II	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Лев Консон

Краткие повести

© ИП Гусев Леонид, Москва, 2026

© Консон Лев, текст. Париж, 1983

© Астафуров Сергей. Дизайн и иллюстрации. Москва, 2026

I

Только в кино да в литературе можно встретить такого красавца: светлые выющиеся волосы (ему разрешали их носить), глаза голубые, брови черные, папах набекрень. Стройный, лихой, дерзкий. Трудно было не залюбоваться им, герой да и только. На работу ходил редко. Блатные уважали, да и начальство считалось с ним... Для всех он был Соловьем-разбойником, но я его знал иным. Он иногда приходил в наш барак и тихо рассказывал мне о Москве, о театре, о литературе. Мне он всегда был непонятен...

Бригаду гнали с работы. Навстречу гнали Печерский этап. Колонны поравнялись и стали перекликаться:

– Эй, Карзубый! А Валерка-то ссучился!

– Врешь, Иван Хохол с Нюркой живет!

– Шурика землянули?

Конвой пытался перекричать, требуя, чтоб заключенные замолчали. Отчаянный лай воровских псов включался в эту какофонию. И все же наша брала:

– А шнифт кто тебе выбил?

– Не дай Бог попутая на пересылке!

– Сам падлюга!

– Лепеху когда отдашь?

– Эй, Нос! А это кто в папахе?

– Наш, голубых кровей! С Копченым хакает!

– Как фамилия, уж не Федоров?

– Федоров.

– Гад, я его с ходу уличил. Следовательно. Он мне в Таганке срок мотал...

Я никогда не видел лица белее этого, я никогда не знал, что лицо может быть белым таким. Молча колонна дошла до лагеря. Вечером, на лошади, его мертвое тело отвезли в лес.

Рыбонька любила жевать смолу. Никола-Свист жил с Рыбонькой. Жил, да вот изменил. На работе Никола спал. Рыбонька топором отрубила ему голову. Взяла ее за ухо (волос-то не было) и принесла конвоирам. Говорит: «Заберите, а то подумаете, что в побеге он».

Она и на следующий день жевала смолу.

Она все время жевала смолу.

Когда нас гоняли копать картошку, то мы скребли ее стеклом и ели сырую. Очистки в землю зарывали, а то били очень.

В поле с краю дороги росла капуста. Когда бригада бросилась к ней, то двоих убили из автомата.

Шли этапом. На ночь загнали в пересылку. У одного были золотые зубы, так ему в уборной лопатой их выбили и унесли куда-то.

У блатных были ножи. Их человек семь было. Конвой специально сажал их в вагон к новеньким, и блатные отбирали у них все, что имело для них хоть мало-мальскую ценность. Награбленное отдавали конвоирам, а те им за это приносили жратву, махорку, водку и на ночь пускали в женский вагон.

Карзубый жил на верхних нарах (как и положено по рангу). Хорошо было тем, кто жил под ним, на нижних. Кормили винегретом, а Карзубый морковку выплевывал на пол (это у них хорошим тоном считалось). Правда, вечером нащупать морковку было трудно (землянку освещала коптилка). Зато когда с верхних нар транссирующей пулей летел окурок, то множество теней накрывало его.

Принесли завтрак, а у Вовочки пропала ложка. Вовочка рассердился и стал требовать ложку у мужика, что жил под ним. Тот сказал, что ложку не брал. Вовочка кулаком сбил его с

ног, встал сапогом на спину, а другим принялся вбивать голову в пол (сам же за нары держался, чтоб не упасть). Кровь хлынула из горла.

Мы с трудом доглатывали свой завтрак.

На нашей колонне был главным Шагай Выше. Чем-то он провинился перед своими. Урожай гвоздем вырвал ему горло.

Урожай страшно нервничал, когда играл в карты. Как-то кошка из-под нар выгребла крысят. Урожай бросил карты, схватил крысенка и, перекусив, выплюнул.

Была у нас женщина лет тридцати. Некрасивая, косая.

Ребенок был у нее. Белье приходила стирать. Урожай жил с ней и на людях был груб, но любил наверное. Он самое вкусное не ел, а берег ее малышу. Как-то проигрался весь, а сапожки красные не стал проигрывать. Только я знал, что он их отдаст ребенку.

Шли с работы. Морозило очень. Все спешили добраться до лагеря, чтоб согреться горячей баландой и растянуться на нарах. Шли, а тут мальчишка-украинец стал отставать. Конвой велел тащить. Мы и тащили, а он совсем сник, да и мы выбились из сил. Стемнело. Конвой злится, собаки лают, а он не встает. Обидно было из-за него мерзнуть, да так обидно, что кто-то закричал, кто-то ногой пнул, и все тут бросились бить, топтать. Силы-то откуда взялись... Потом срубили елку, привязали к ней мальчишку и волоком дотащили до лагеря. А здесь, как назло, привезли кинопередвижку и баланду нам не дали до тех пор, пока не прокрутили всю «Большую жизнь». Это картина так называлась.

Долбенков, старый коммунист, долгие годы писал Сталину жалобы. Все верил ему. Да так и умер на нарах. Умер раньше Сталина.

Начальник лагеря собрал всех музыкантов в агитбригаду. Под грохот фаустовского марша нас пинками и палками выгоняли на работу, а отказчиков волокли в изолятор. Под звуки марша «Аиды» нас, голодных и раздавленных, обыскивали у вахты, а отказчиков волокли в изолятор.

В клубе-столовой на сцене ставили стол. За стол сажали штатного рекордиста (из стукачей, конечно), и тот на глазах у всех пожирал огромные квадратные картофельные запеканки. Рядом стоял начальник КВЧ (то есть, культурно-воспитательной части). Голодный оркестр за сценой выводил «Трубадура».

Начальник изолятора Ян-Луна и два его кореша решили утолить половую потребность. В изолятор посадили корейца-отказчика. Грозя ножом, они заставляли его ртом утолить их похоть. У Яна- Луны кореец откусил начисто.

Не было бумаги, а умирали часто. Тут любой лекпом в тупик станет, ведь акты писать не на чем. Воспоем же славу тому, кто первым догадался писать акты на финстружке.

Главное, чтоб сучков не было.

Забавный случай. Насмешил дядя Паша. Сосед взял у него трубку покурить. Покурил и умер. Ребята потащили покойника в санчасть, а дядя Паша суетится, все трубку хочет забрать.

– У него моя трубка, отдайте трубку. Дайте я найду. Трубку мою отдайте.

Ребята дядю Пашу отталкивают, а он все к покойнику лезет.

Весь барак смеялся. Вот чудак.

Родилась в Литве. Когда посадили родителей, то она в классе опрокинула бюст вождя. Так она стала политической. Изящная девчонка и пела хорошо. У нас сформировали агитбригаду и девушку привезли к нам. А тут Чума и Шкода проигрались в карты. Чтоб не зарезали, им нужно было срочно уезжать. Вот они и придумали: пришли в агитбригаду, затащили девушку в сушилку. Сопротивлялась, а у них нож был. Ее, истекающую кровью, изнасиловал Шкода, а Чума насиловал мертвую. Их увезли в центральный изолятор.

Начальник запретил выдавать новые бушлаты работающим на лесосплаве. Уж очень часто тонули.

Если конвой собьет с тебя шапку и отшвырнет ее в сторону, не вздумай идти за ней! Будешь убит «при попытке к бегству».

Когда река начинает замерзать, очень тяжело лезть в воду, скалывать лед и выкатывать бревна на берег. Видя, как нам трудно лезть в воду, конвой всегда помогал, загоняя прикладами. Сами мы б не могли.

Однажды наш начальник уехал, а на его место прислали другого. Пришли на работу, а конвой не решается при новом начальнике загонять нас прикладами в воду. Мы ж ни с места. Начальник стал убеждать нас, упрасивать. Потом он что-то сообразил и спрашивает, не хотим ли чего? Мы посоветовались между собой и нерешительно сказали, что хотим хлеб с сыром. Начальник дал конвоиру денег и велел принести из вохровского ларька сыр с хлебом. Принесли, разделили меж нами, и мы все съели... Съели, а в воду лезть не можем.

Начальник стал стыдиться:

– Да как вам не стыдно, ведь мы договорились, нечестно так, сыр-то съели и хлеб. Мы молчали, а он все стыдил. Потом он что-то закричал, выхватил пистолет и стал стрелять в воздух... Конвой бросился к нам, и мы оказались в воде...

Мы скалывали лед, выкатывали бревна...

На берегу сидел начальник. В руке начальника висел пистолет. Начальник плакал.

Хуан писал жене письмо. Пишет, что стал политическим, что получил десять лет, чтоб не ждала его, а выходила замуж. Жена ответила, что не имеет права он ей так писать, что любит, что будет ждать.

Я спросил с досадой: «Ты зачем жену обидел?» Он ответил: «Я должен был вот так написать, а она должна была так вот ответить».

В камере, что напротив, сидела женщина. Кричала очень.

Наверное, с ума сходила. Детей все вспоминала. Звала. Тяжело было слышать, особенно вечером. Уж охранники старались, рот ей закрывали, а все равно тяжело было слышать.

Гнали этап с бухты Ванино. Людей шатало (а ветра не было). Когда пустили в зону, то, спотыкаясь, падая, заковыляли к помойке (что около кухни). Серой массой шевелилась помойная куча. Глотали все, что глоталось. Комендант гнал от помойки, бил палкой, ногами, а они – взрослые люди – ползали, скулили, плакали и ели...

Тут-то и пришла на помощь смекалка – кухонные отбросы стали вывозить за зону.

Мы любили старика Власова. Шутя звали его Декабристом. Он еще при царе сидел в тюрьмах, на каторге был. А после революции была дискуссия о профсоюзах, и он занял не ту позицию. За это его никогда не выпускали из тюрем, лагерей.

Всю свою жизнь жена ездила за ним.

Барак был переполнен, и нашему этапу пришлось разместиться на полу. К Лехе охрана пускала бабу. Он жил с ней на глазах всего барака. Чтоб ночью не ходить к параше, они мочились в котелок прямо на нарах. Когда котелок наполнялся, они содержимое выплескивали на пол.

На нас, то есть.

Очень высокий и очень худой, в рваной папаше и в рваной бурке, Иогансон выделялся среди эковской массы. Зная, что в прошлом он был командиром, каждый охранник и каждый ээк считал своим долгом (то есть, лестным для себя) толкнуть, ударить его. Он очень тяжело переносил голод. После работы, вечером, он приходил ко мне и мы молчали. Ему страшно тяжело давался голод.

Иногда говорил о Боге. Соблазн веры был для него велик. Как-то он рассказал мне, что командовал кавалерийским корпусом. Потом война началась. Попал в окружение. Вырвался. Сформировал партизанский отряд. Действовал в Бессарабии. Однажды сон приснился: стоит он у края дороги. Бойцы мимо идут, лошадей ведут под уздцы, на него не смотрят, глаза в землю потупили. Прошли, и тут три старушки подходят. Вдруг пламя их охватило, а в пламени крест...

Позже отряд остановился возле церквушки. Обедали у священника. Сон ему рассказал. Священник сказал, что ждут меня большие страдания. Я не верил, война к концу шла...

Вы не слышали, Иогансон жив?

Мне давно хотелось рассказать этот эпизод, да трудно он у меня получается.

В 1950 году из многих лагерей согнали нас, политических, на строительство железной дороги Тайшет – Братск. Зимой мороз, летом мошка, и всегда голод, и всегда непосильная работа. Обычную охрану у нас заменили краснопогонниками и прямо за зоной выкопали большой котлован (может, для устрашения, может, еще для чего, а может, и правда, перебить собирались – обстановка в мире была напряженная).

Был у нас Виталий Веслополов, из Хабаровска этапом прибыл. Ничего примечательного, а вот учуяли что-то люди и потянулись к нему. Я думаю, потянулись еще и потому, что молчать он умел как-то особо выразительно. Все нам казалось, что за этим молчанием скрывается то заветное, до чего сами мы додуматься не могли.

Зимой нашу бригаду гоняли на разгрузку цемента. Разгружали совковыми лопатами прямо из вагонов в тачки. Напарником моим был Виталий.

Помню, работали в ночную смену. Неожиданно свет погас. Конвоиры всполошились, забегали и заперли нас по вагонам.

Темно, холодно, сидим в цементе, молчим. Вдруг Виталий спрашивает, нет ли у меня на воле знакомого студента и не могу ли я дать его адрес. Я спросил, зачем ему это, и он, волнуясь, стал объяснять мне, что люди добры, что люди обмануты, что если сказать им правду, если открыть им глаза, то разве удержались бы эти лагеря, разве удержалась бы такая система! Он нашел выход. Он нашел возможность отправлять письма, минуя лагерную цензуру. Он уже кое-кому писал, он Твардовскому писал, он писал студентам филологического факультета. Пока еще все тихо, но он опять писать будет. Если ж и дальше ничего не изменится, то, видно, письма где-то пропадают, где-то перехватывают их. Тогда писать бесполезно.

Он все продумал, он все решил, он пойдет в побег. Он к празднику доберется до города. Он на праздничной площади скажет людям правду.

– Нет, ты не знаешь людей, не говори так о них. Мне бы только до города добраться. Они не предадут меня.

Весной тело его долго лежало у вахты.

В городе было спокойно.

Посади змею в бамбук, она и там извиваться будет.

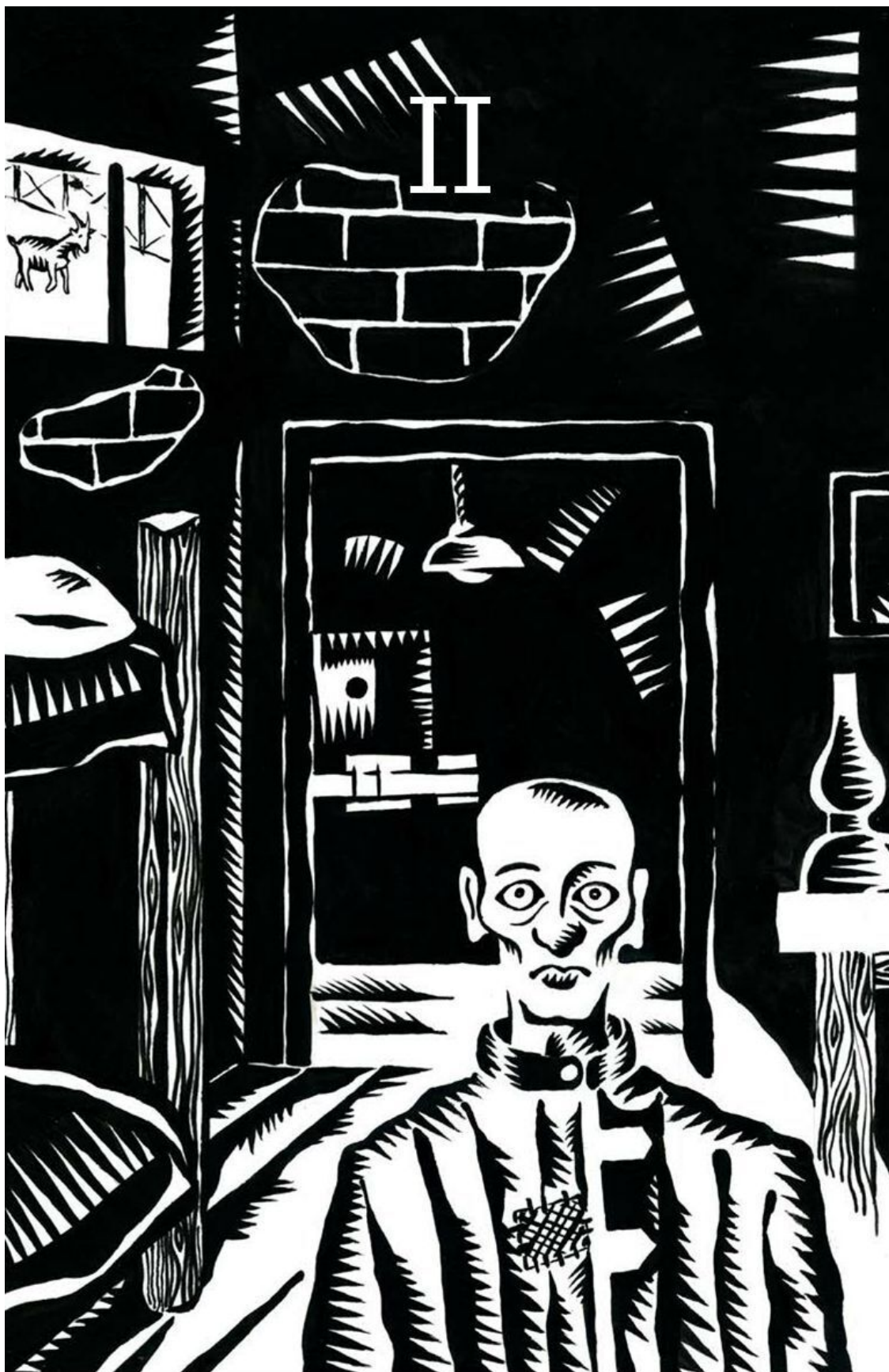
Китайская пословица

Да не подумайте, братцы, что в лагерях страдали только невинные, страдали и виновные. Взятчик отбывал свой срок в хлебозерке, растратчик на складе. Блатные искупали свою вину, работая пожарниками, бригадирами, вахтерами, дневальными. Кто при немцах сотру-

ничал с фашистами, тот после в лагере сотрудничал с коммунистами. Комендант нашего лагеря Романовский страдал за то, что и при нацистах был в лагере комендантом.

Страдали все.

II

МИША КРЮЧКО

Это просто название такое важное: Центральный тайшетский следственный изолятор. На самом же деле это всего-навсего длинная землянка (вроде овощехранилища), оцепленная колючей проволокой и дощатым забором. По углам вышки, ну, и все как надо. Начальником изолятора был Дегтярев (дрянь мужичок), а вот коза у него была хорошая. Паслась во дворе. Утром нам хлеб давали, кто-нибудь из эков в форточку высовывал пайку, и коза тотчас подходила. Тут же к ее рогам привязывали письмо, или курево, или еще что (я как-то гимнастерку привязал) и стучали в соседнюю камеру, чтоб там так же хлебом приманили и забрали передачу или постучали бы в другую стену, чтоб посылка шла дальше (до своего адресата). Пару месяцев коза нам служила, а потом стукачи ее продали. Дегтярев ее к вышке стал привязывать после этого. Связь на этом не прекратилась. Переписка продолжалась, жизнь шла свои чередом. Была вражда, была любовь, люди космос понять пытались, стихи сочиняли, ревновали, с ума сходили, люди истину искали, люди к Богу шли, люди тапочки шили.

Раз в неделю для мытья полов нам давали веник, тряпки и теплую воду. Я с нетерпением ждал этого дня. В тряпках попадались лоскуты разных цветов. Я выдергивал из них нитки и вышивал целые картины болгарским крестом (иголку делал из проволоки, которой веник был связан). А еще я музыку писал, но не знал нот, так что пришлось свои придумывать.

Каждый из нас знал все, что делается в других камерах, а вот псарня целый день шныряла от камеры к камере. Подслушивала, подглядывала по два раза за смену перерывала все, раздевала нас догола, даже в зад заглядывала – и ни разу врасплох нас не застала. Я все это к тому, что изолятор вроде был и небольшой, а в нем целая жизнь была. Я не могу рассказать, куда мы добро свое прятали во время обыска, как письма переправляли и где бумагу брали. Не могу рассказать и многого другого. Не могу рассказать, потому что изоляторы продолжают стоять на страже интересов трудящихся, а трудящиеся продолжают сидеть в них.

Я лучше расскажу вам то, о чем все знают. Я расскажу вам о Мише Крючко.

Камера моя находилась как раз напротив дежурной, так что когда приводили новенького, то я первым узнавал о нем больше, чем кто-либо из нашей изоляторской братии. Я слышал, как новенького обыскивали, какие вопросы ему задавали, что и как он отвечал, а если его еще и стригли, то тут уж совсем становилось интересно, значит, ээк свеженький, только с воли.

Помню, принесли черпак темной жижи, ужин то есть, и только взялся я за ложку, как в коридоре послышались шаги, да не вертухаевские, а робкие, наши. Кажется, двоих привели. Потом их обыскивали, стригли, спрашивали. Я прижался ухом к двери, затаил дыхание и ловил каждый звук. Люди – это так интересно. Люди – это целый мир, а я так соскучился по нему за полтора года своей одиночки.

Стецев Василь, совсем молодой, говорил с украинским акцентом. Бендеровец. Другой, постарше, наверное тоже украинец, но говорил без акцента. Фамилия Крючко, звать Мишей. Статья политическая, но не бендеровец. Долго с ними возились, а потом вдруг загремел ключ в замке моей камеры, дверь открылась так стремительно, что я еле успел отскочить. Затем дверь закрылась. На пороге стоял человек лет двадцати пяти – двадцати семи. Широкоплечий. Глаза впалые, черные. Лицо волевое. Гимнастерка на нем, галифе, ноги обмотаны тряпками и в галошах. Это был Миша Крючко, а Стецева повели в другую камеру. Привели их вечером, так что ужин им не полагался.

Я предложил Мише разделить еду со мной, но он ничего не ответил. Он сел у порога на пол и стал рассказывать то, что его давило, то, что не рассказать он просто не мог.

Он летчик. Одно время учился с Василием Сталиным. Преподаватель называл Василия сундуком, и наверное за это его посадили. Группа курсантов написала заявление в защиту преподавателя и тоже оказалась в тюрьме. Десять месяцев длилось следствие, а потом немец подошел к Москве. Кому-то нужно было летать, и Мишу выпустили на фронт. Воевал, полу-

чил героя, и конец войны их авиационная часть встретила в Венгрии. Все бы и дальше было хорошо, но был у них майор Зеленский. Он считал, что после войны нужно жизнь строить иначе, что старый порядок себя изжил; он говорил, что это раньше коммунистическая партия была прогрессивной, теперь же она тормозит развитие страны. Ради лучшей жизни нужно убрать эту партию. Зеленского окружали люди, вели споры. Они себя прогрессистами называли.

Потом был суд. Зеленского и еще нескольких офицеров расстреляли, а остальным дали предельные сроки.

Так Миша попал в Тайшетский лагерь.

За зоной, у самой речушки, начальство решило построить водокачку. Нагнали людей. У Миши было высшее образование, ему доверили должность вроде прорабской, так Миша возглавил строительство водокачки.

Недалеко за оцеплением стоял поселок. Местные ребята рыбу в речушке глушили аммоном. Миша достал у ребят взрывчатку и сделал четыре гранаты. О побеге он думал с первого дня и поэтому к людям присматривался. Желающих идти в побег набралось человек пятнадцать. Готовились тщательно, и все, что нужно было взять, распределили между собой.

В назначенное утро, по дороге на работу, Миша дал предварительную команду: «Ведро взяли?» (Ребята зажгли бикфордовы шнуры). Затем Миша опять крикнул: «Взяли?» Гранаты полетели в конвоиров. Всем нужно было бежать в лес, но из соседней просеки прогрехотала автоматная очередь, многие испугались, и бригада плюхнулась на землю.

До леса добежали только пять человек: из Маньчжурии русский эмигрант, кореец, Витек блатной, Стецев Василь и Миша Крючко. У них был нож, была коробка спичек и пустая банка из-под консервов. Остальное осталось там, у ребят на дороге. Бежали целый день, все им лай собачий слышался. Сил не было, но страх гнал дальше, вглубь, в тайгу. Еды не было совсем, лягушек, и тех в тайге не оказалось. Рвали ягоды, грибы. На четвертый день маньчжурец сказал, что сердце у него останавливается, что дальше идти не может. Ему дали несколько спичек, показали где север, где юг и оставили под лиственницей. А тут сентябрь, дожди, начались холода. Спички кончились. Пришлось в банке пробить отверстия и в ней поддерживать огонь, подбрасывая гнилушки и размахивая банкой на шнурке, как священник размахивает кадилом в церкви. Где-то волки выли, но вид у бегущих был настолько дикий, что они не решались подойти ближе.

Как-то кореец съел гриб и обезумел. Всю ночь кричал, лез в костер и лишь под утро потерял сознание. Витек сказал: «Ну что калеку сумасшедшего оставлять в тайге? Вы идите, я добыю его. Добью, чтоб не мучился».

Ребята пошли. Вскоре Витек догнал их и сказал, что теперь не до шуток, что все умрем, если не съедем корейца, что все равно нет его в живых, что случаев таких полно было. Ну, а если вы такие умные да чистенькие, то подышайте, я один в живых останусь.

Они съели корейца.

Это было на втором месяце побега.

А потом они боялись казаться слабыми, боялись спать, они друг друга боялись. Пожалуй, в самом выгодном положении был Миша, так как только он знал, как выбраться из тайги. Как-то Витек шепнул Мише, что дела совсем плохи, что нужно что-то думать, иначе все помрем.

Вечером моросил дождь, холодно было. Миша крепко обнял Витьку (чтоб спать теплее было и чтоб чувствовать, когда Витек за ножом полезет). Нож Витек положил за пень, но Миша изловчился и затолкал его под корень. Стецев сидел у костра и пытался тряпками связать рассыпающийся ботинок. Горел костер, и Миша уснул. Проснулся Миша от страшного крика. Костер догорал, Витек лежал на спине. Стецев допиливал ему горло ножом.

– Что ты делаешь? – закричал Миша.

– Если бы не я, так он бы меня...

– Да ты откуда знаешь? Кто сказал тебе?

– Бог мне это сказал, – прошептал Стецев. И зарыдал.

Моросил дождь. У дымящихся коряг лежал Витек.

У дымящихся коряг на коленях молились Богу бендеровец Стецев и Герой Советского Союза Миша Крючко.

Теперь боялись они друг друга пуше прежнего. Спать совсем не могли. Перед Богом в дружбе клялись, клялись не убивать друг друга. Клялись и молились, молились и клялись. А потом вдруг кончился лес, вышли они на опушку, село увидели. В поле женщины работали. Опустились на колени, стали Бога благодарить за спасение. В поле картошка оставалась в буртах, питались ею. Вели себя осторожно, но что-то местные заметили. Пришлось от греха подальше вглубь леса уходить, а те с собаками, да с ружьями лес прочесывать пошли. Рыскали целые сутки, да Бог миловал.

В пятнадцати километрах от поселка нашли они избу. Жила там старушка, она приютила ребят. В погребе картошки было полно, так что жить было можно. А им бы только весны дожждаться, весной они на Украину пойдут. Там в лесах бендеровцы. Стецев места знает... Днем из избы не выходили, а если воздухом подышать да поразмяться, так только ночью.

Как-то шли они по дороге, луна светила. Вдруг лошадь, запряженная в сани, в санях старик. Они остановили лошадь и сказали старику, что убить его придется.

– Что вы, Бог с вами, сынки. Нам тут все уши прожужжали про вас. Говорят, враги народа, а мы сами такие же враги. Все село у нас из ссыльных. Вон картошка померзла на полях, а мы голодные сидим по избам, тошнотиками давимся. Свое же красть с полей приходится, да только мерзлое и ночью. И я отрубил восемь лет в лагерях за эту самую за политику. Грех на душу не берите, сынки.

– Ладно, не тронем, езжай, батя, но только помни: молчи.

Через сорок минут ввалились в избу милиционеры, комендант и к старушке:

– Где они?

А она:

– Нет у меня никого.

На нее матом и по щеке.

Она ни в какую. Ее опять по лицу, да за волосы. Комендант оттащил милиционера от старушки и говорит:

– Ну, не убивать же ее, суку, пусть власти сами с ней разбираются, а мы давай дом обыщем.

В сенях это было, а погреб под ними. Там и нашли их в картошке.

Вечером во время смены дежурства присутствовал Дегтярев и еще начальник следственного отдела. Дегтярев показал на Мишу и говорит:

– Это, товарищ майор, людоед.

Майор сказал:

– А как бы ты, Дегтярев, поступил?

– Что вы, товарищ майор; я б скорей повесился.

– Не ври, Дегтярев. Это судьба так повернула. Вся разница меж вами та, что они стали есть человечину на втором месяце, а ты б стал жевать ее на втором дне.

Несколько секунд длилось молчание. Потом Дегтярев засмеялся. Засмеялись и дежурные – видно, понравилась им шутка начальника.

КАРТИНА

Я не очень задумывался над смыслом жизни вообще и моей жизни в частности. Стыдно признаться, но талантливым завидовал, сам хотел быть ярким, пыжился, да вот не получалось. Если бы не изолятор, так и прожил бы, не узнав своего предназначения. Понадобились долгие

месяцы одиночной камеры, чтоб убедиться, что и я не обойден Божьей милостью, что и в меня Господь заронил Свою искру. Теперь о деле.

Когда сидишь в следственном изоляторе, то очень важно держать связь с соседями. К сожалению, не все умеют перестукиваться. Вот поэтому нужно знать слабые места в стене. Желательно также, чтоб места эти были под нарами или прямо в углу за парашей (то есть, по возможности были недоступны взору «волчка»). За два года изолятора я исковырял стены многих камер. Вот тут-то и воссияли способности, раньше дремавшие во мне. Достаточно было мне взглянуть на стену, чтобы определить нужную точку. В этом деле во всем изоляторе (и может быть, не только в нашем!) не было мне равных.

Если кого-либо интересуют тонкости этого ремесла, то придется мне остановиться на них подробнее (возможно, в отдельной брошюре). Предупреждаю, что тут все не просто, процесс этот сродни творческому, и речь здесь пойдет не только о проволоке, которой перевязывалась метла, и дужке от параша, но и о таких понятиях, как о вдохновении, прозрении, интуиции, голосе свыше.

Вы еще отверстия не проковыряли, а уже должны знать, чем его замазывать и закрывать будете. Сделать это надо так, чтобы к проверке место это совершенно не выделялось. Проверялась же камера два раза в день. На первых порах не все было гладко, и на пути к совершенству мне не раз приходилось делать остановки в карцере. Все же, оглядываясь назад, хочу сказать, что все трудности и страхи ничего не стоили по сравнению с блаженством, которое испытывал я, стоя или лежа у готового отверстия. Легонько барабанишь в стену, прикладываешь ухо и слышишь голоса иных миров...

Рисковали каждую минуту и поэтому говорили самое нужное, самое-самое... Изолятор всегда переполнен, а тут еще привезли большую группу, обвиняли ее в принадлежности к ордену «Креста белых лилий». Я в это время как раз сидел рядом с камерой смертников, в ней из этой группы сидел Щукин, потом Мелких, Златай. Златай просил рассказать о нем жене, родным, но я адреса не запомнил и просьбу не выполнил. Из Венгрии он. Глеб Слученков был из нашей группы. Чем-то женщины ему не угодили, и уж если он говорил о них, то только гадости. А как попал в камеру смертников, так удивил меня. Просил найти в Рязанской области село Шатское, а в нем Александру Илларионовну Шалаеву и сказать ей, что любил он ее всю жизнь и думал только о ней. Смертную казнь ему заменили, а расстреляли уже потом, в Дзезказгане во время восстания. Я был в селе Шатском, она там учительницей работает, говорят, семья хорошая, муж, двое детей. Я не решился передать ей весть с того света. Пусть живет спокойно. Но до сих пор не уверен, что поступил правильно.

Потом в другую камеру меня перевели, женщина сидела рядом. Плакала очень, ребенок дома у нее. Мне жалко было, успокаивал как мог, рассказывал, как нужно вести себя на следствии. Пытался помочь. А потом стал волноваться, когда ее долго держали у следователя, злиться, когда дежурный хамил ей, ревновать, когда вертухай уводил ее в баню. Как-то вывели ее мыть полы в коридоре, она улучила момент и открыла «волчок» моей камеры. Так вот и увидела меня. А я ее не видел никогда. Потом она сказала, что благодарна мне, что спас я ее, что я хороший и что полюбила меня. Я сказал, что и я люблю ее. Мы многое сказали в те дни и было нам хорошо, но только мучительно очень. Потом увели куда-то. Наташей звали ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.